

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС «КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ОБ ИДЕОЛОГИИ»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИСКУРС- АНАЛИЗА¹

Бурсевич В.В., БГМУ

Дискурс-анализ сегодня представляет собой одно из наиболее перспективных исследовательских направлений, в лучших своих представителях успешно сочетающее эмпирические исследования и теоретизирование достаточно высокой степени абстрактности, предоставляя множество преимуществ для исследования социальной реальности, в частности, идеологии. С одной стороны, по сравнению с чистым философским теоретизированием, дискурс-аналитические построения обладают меньшим уровнем спекулятивности. В рамках дискурс-анализа выработан целый ряд абстрактных конструктов, успешно работающих при описании социальных феноменов, поскольку они операционализируются в процессе прикладных исследований. Иными словами, дискурс-анализ предлагает не только общую теорию идеологии, но и расширяет представления о сущности, структурных компонентах и функциях современных идеологий, инвайронментализма, глобализма, расизма или сексизма. С другой стороны, многие теоретические подходы, по словам Н. Филлипса, «часто реифицируют категории, создают иллюзию их естественности и устойчивости во времени» [9. Р. 12]. В этом отношении дискурс-анализ, исследуя динамику социального конструирования, демонстрирует и происхождение категорий, используемых в теоретических построениях, рефлексивирует над развитием самого научного дискурса.

В то же время дискурс-анализ выделяется и среди таких качественных социологических методик, как конверсационный анализ, этнометодология или

¹ Бурсевич, В. В. Эпистемологический статус «критического дискурса об идеологии»: методологические проблемы дискурс-анализа / В.В. Бурсевич // Социальная онтология в структурах теоретического знания: Материалы V Международной научно-практической конференции мая 2013 года / Под общ. ред. О. Н. Бушмакиной, Н. Б. Поляковой. — Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. — С. 8-15.

нарративный анализ, поскольку в дискурс-анализе конкретный текст или дискурс исследуются всегда в рамках более глобальных социальных структур – комплексов текстов, дискурсивной формации, исторического контекста. Кроме того, методологической установкой дискурс-анализа является представление о сложности и многоаспектности объекта, т.е. идеология рассматривается как многоуровневое, гетерогенное образование, предполагающее как когнитивные, так и бессознательные аспекты, включенность в социальные структуры и практики, исторический контекст, связанность с дискурсивными практиками, использование идеологии конкретным индивидом в конкретных обстоятельствах. Придерживаться данных постулатов при исследовании необычайно сложно, и тем не менее, для реализации главной задачи дискурс-анализа, т.е. исследования практик и стратегий, а не структур, подобная многоаспектность является решающей.

Еще одним отличительным моментом дискурс-анализа является то, что социальная реальность, в том числе и идеология, в рамках этого направления рассматривается не как данность, но как постоянно изменяющийся конструкт. Акцент делается на исследование способов производства и трансляции идеологии. В связи с этим дискурс-анализ позволяет рассмотреть не только то, как язык отражает идеологии или социальные отношения, но и то, как язык формирует их. Иными словами, дискурс-анализ основывается на представлении о рекурсивном взаимодействии между языковой и социальной реальностью.

Кроме того, представители современного дискурс-анализа указывают на размывание границ различных полей социального производства, делают акцент на гетерогенности любых социальных практик и идентичностей, в связи с чем, особые усилия прикладываются на поиск теоретических медиумов, опосредующих прямую трансляцию и воспроизводство социальных структур и способных объяснить привнесение случайности и изменчивости в устойчивые структуры. Это делает дискурс-анализ весьма плодотворной методологией для адекватного исследования современных социальных процессов, характеризующихся в ряде концепций как переход к постиндустриальному, информационному,

сетевому обществу с соответствующей трансформацией общественных коммуникаций и механизмов отправления власти и социального контроля. В частности, более детализированная и многоуровневая картина социальных коммуникаций, разрабатываемая в дискурс-анализе, помогает его представителям преодолевать упрощенное и редуционистское представление о тотальном идеологическом и манипулятивном воздействии средств массовой информации на рядового члена общества. Как демонстрируют исследователи, в принципе не существует чистых идеологий, в особенности в современном мире, где сосуществуют различные культуры, традиции и системы представлений. Также не существует однозначных способов артикуляции идеологий – тексты и высказывания получают идеологическое прочтение в конкретных контекстах.

Таким образом, дискурс-анализ представляет собой своего рода эпистемологию, объясняющую способы познания социального мира, а посредством этого и его устройство. Как эпистемологическая программа дискурс-анализ основывается на конструкционистском базисе, что влечет методологические проблемы, которые мы и попытаемся рассмотреть.

В философии эпистемологический конструктивизм обнаруживается ещё в работах И. Канта, впервые последовательно обосновавшего идею о том, что предмет познания является конструктом самой познавательной деятельности. Сегодня установка конструктивизма связывается с именами П. Лазарсфельда, Ф. Варелы и Р. Матураны (радикальный эпистемологический конструктивизм); У. Бёйкера, Т. Пинча, М. ван Уэзела (конструктивизм в исследовании технологии); Р. Коллинза, С. Рестино, Р. Херша (конструктивизм в математике). В рамках социальных наук эпистемологический конструктивизм получил особое название «социального конструкционизма» и восходит к проекту социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана, к работам Р. Харре и К. Джерджена. Последний обосновал, что гуманитарные дисциплины являются коммуникативными системами, тесно связанными с развитием общества, а объект их исследования, сконструирован социальными обстоятельствами и подвержен изменению в связи с постепенным овладением людьми гуманитарными знаниями [3. С. 50]. Ра-

бота К. Джерджена демонстрирует замкнутую петлю в социальных исследованиях, в которой социальная реальность является продуктом конструирования, реализацией сетки мыслительных категорий в такой же степени, как и теория является результатом осмысления действительности.

Сегодня к приверженцам конструкционизма относят себя целый ряд исследователей: С. Вульгар, К. Кнорр-Цеттина, Б. Латур, Дж. Ло и т.д. Эпистемологический конструктивизм и «социальный конструкционизм» популярен и у русскоязычных исследователей. В частности, в 2007 г. Институт философии РАН провел конференцию «Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке», в которой участвовали такие философы, как В.С. Степин, В.А. Лекторский, В.С. Швырёв и др. Однако у отечественных исследователей большей популярностью пользуется «конструктивный реализм». Это хорошо демонстрирует высказывание В.С. Стёпина: «Мы видим мир сквозь призму определенной системы категорий, их смыслов, продиктованных культурой определенной исторической эпохи... Но ... конструирование обусловлено законами функционирования и развития объектов, поэтому понятие объективной реальности не утрачивает своего смысла и ценности» [4. С. 28].

Представители дискурс-анализа в большинстве своем отдают предпочтение умеренному конструктивизму, соединяя его с «критическим реализмом». В отличие от эссенциалистских концепций и «критического прочтения» идеологии, социальный конструкционизм предполагает, что достижение абсолютной истины не возможно, поскольку истина не является автономной от дискурса и связана с механизмами власти. Но это не означает, что представители социального конструкционизма отказываются от критического осмысления окружающей их реальности. И в этой связи возникает проблема обнаружения оснований для осуществления подобной рефлексивной деятельности. Иными словами, возникает проблема определения эпистемологического статуса дискурса об идеологии.

И здесь обнаруживается выбор между несколькими альтернативами. С одной стороны, возможны попытки занять позицию «по ту сторону» любой

идеологии. Чтобы иметь право оценивать социальные явления и выносить им обвинение в идеологической предвзятости, исследователь не должен быть частью самого социального мира. Но насколько подобная позиция «внеаходимости» вообще возможна? Выпадение из идеологической реальности еще не означает непосредственное взаимодействие с миром. Способен ли человек существовать в совершенно открытом, непосредственном культурными символами пространстве и не превращает ли он его своим присутствием в новый идеологический центр? Еще Ф. Ницше, пытаясь обосновать необходимость для общества иметь собственные мифы, писал: «Лишённый мифа человек, вечно голодный, среди всего минувшего и роет и копается в поисках корней» [5. С. 181]. Для марксизма прозрачность социальных отношений и возможность их объективного отражения лежат в будущем, однако если разрушать все идеологии, на каком еще основании может быть построено это будущее, если не на имеющемся культурном наследии. П. Рикер отмечает «невозможность осуществления такой критики, которая была бы абсолютно радикальной, она невозможна, поскольку радикальное критическое сознание требует тотальной рефлексии» [10. Р. 261], а исследователь всегда сам включен в одну из идеологических систем.

С другой стороны, исследователь может принять «сторону тех, кто страдает, и критически анализировать использование языка теми, кто наделен властью, ответственен за существование неравенства и имеет средства и возможности исправить эти условия» [13. Р. 10]. Иными словами, критика существующих структур власти может осуществляться из периферии, т.е. с позиции подавляемых общественных групп. Положение угнетенных рассматривается как преимущественное не на том лишь основании, что они подавляемы, но поскольку их интересы не связаны с воспроизводством системы и могут выйти за ее пределы, а кроме того, подавляемые группы не заинтересованы в мистификации общества. В этом отношении, пишет Дж. Шварц: «Любая группа с незнательными интересами в понимании некоторых аспектов реальности будет

иметь привилегированную позицию в отношении предмета, но только в отношении данного предмета» [11. Р. 572].

Сходным образом, например, известная социолог-феминистка Д. Смит, использует периферийную позицию женщины, т.е. субъекта исторически внешнего науке, для критики и демонстрации идеологической природы многочисленных «объективных» социологических категорий, сформированных на основе «мужской» точки зрения и опыта, доминирующих в науке на протяжении веков [12]. Но и подобное совмещение конструкционистской установки и критического подхода не безукоризненно. Проблемой подобного решения является, во-первых, то, что точка зрения страждущих зачастую наделяется статусом более прозрачного отношения к миру, забывается, что и угнетаемые меньшинства конструируют свою собственную идеологическую картину реальности. Во-вторых, в таком подходе не учитывается существенная неоднородность противопоставляемых элитам подавляемых групп, например, рабочих, женщин или национальных меньшинств, которые не представляют собой гомогенную тотальность, но включают различные подгруппы, которые могут иметь разные цели. Кроме того, само противопоставление периферии и центра поддерживает и в какой-то мере усиливает их противостояние.

Исследователь Д. Харауэй [7] отмечает, что принятие для критики позиции мужчины, женщины, темнокожего лишь поддерживает классические структурные оппозиции и скрытое в них распределение власти. В качестве альтернативы предлагается взглянуть на социальные позиции из лакун, неохваченных структурой. Сама Д. Харауэй пытается исследовать общество, заняв позицию вымышленного существа, киборга – гибрида организма и машины, подрывающего классическое противопоставление природы и культуры. Выбранная Д. Харауэй метафора позволяет продемонстрировать, что оппозиции никогда не являются взаимоисключающими: человек всегда уже является «киборгом», пограничным существом, а любые идентичности и социальные позиции никогда не бывают достаточно чистыми и строгими. Как отмечает Х. Бхабха, вопрос о социальной идентичности в современном мире всегда отсылается к реальности

«по ту сторону», к некому «срединному пространству» [1. Р. 1-3], это означает разрушение границ и оппозиций, мышление вне строго ограниченных категорий гендера, класса, идентичности.

Еще одним основанием для критики при сохранении конструкционистского понимания социума является, по мысли П. Бурдьё, саморефлексивность исследователя. Любые представления ангажированы, однако для подлинно критического мышления недостаточно выявить эту ангажированность. Необходимо исследовать все поле социального производства и контекст, порождающие ту или иную идеологию. В отношении анализа дискурса это означает еще и исследование не только самих дискурсов, но всего процесса их производства и восприятия с учетом всех опосредующих фильтров. При этом обнаружится и место исследователя в социальной структуре, и, соответственно, будет осмыслена его зависимость от контекста и его познавательные возможности в существующих условиях. В конечном счете, пишет П. Бурдьё: «Ничто не должно оставаться вне социологической критики, даже – и в особенности – критикующие интеллектуалы» [2. С. 320].

В этом многообразии подходов представители «критического дискурс-анализа», «теории дискурса», дискурсивной психологии, социальной семиотики, каждый по-своему, пытаются совместить конструкционистскую и реалистскую установки, социальную критику и «нейтральное» понимание идеологии. Их объединяет следующее: признавая сомнительность обнаружения теоретических критериев для определения степени идеологичности тех или иных дискурсов, они выдвигают критерий практический, т.е. нормы и идеалы коллективной жизни. Позиция для критики выбирается не в теоретическом, а в политическом пространстве социальной деятельности, в рамках которой дискурсы не могут быть равнозначно оценены, ибо имеют разные последствия.

В таком случае, критика связана в дискурс-анализе с четким указанием локальной социальной или политической позиции исследователя. Более продуктивные дискурсы определяются не с точки зрения элиты или противоположной ей позиции подавляемых групп, но в ходе демократических практик

обсуждения важнейших социальных вопросов. Таким образом, само понятие критики как «эксклюзивной», фальсифицирующей деятельности, в то же время внутренне зависящей от того, что критикуют, сменяется установкой на критическую рефлексивность в рамках политической активности. Так Э. Лакло и Ш. Муфф предлагают проект «радикальной плюралистической демократии» [8], С. Бенхабиб – «совещательную демократию» [1]. И в этом смысле, дискурс-анализ не только деконструирует системы само-собой разумеющегося знания, основанного на идеологии, но и запускает работу по производству новых гегемонных практик установления значения. При этом в качестве альтернативы критикуемым идеологическим дискурсам не предлагается какой-то наполненный позитивным смыслом социальный проект. Напротив, практика дискурс-анализа демонстрирует, что главным является не содержание социальных представлений, но выработка новых механизмов их создания, трансформации и изменения, которые были бы основаны уже не на подавлении, но на активном политическом диалоге различных социальных сил.

Список литературы

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2003. – 350 с.
2. Бурдьё П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, – 1993. – 336 с.
3. Джерджен К. Дж. Социальное конструирование и педагогическая практика // Образовательные практики: амплификация маргинальности: Сб. под ред. А. А. Забирко. – Мн.: Технопринт, 2000. – 184 с.
4. Конструктивизм в теории познания. – М.: ИФРАН, 2008. – 171 с.
5. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Рождение трагедии из духа музыки. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 201с.
6. Bhabha H. K. The location of culture. – London: Routledge, 1995. – 285 p.
7. Haraway D. Simians, cyborgs, and women: the reinvention of nature. – London: Free Association Books, 1991. – 287 p.

8. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. – London: Verso, 1992. – 197 p.
9. Phillips N. Discourse analysis: investigating processes of social construction. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2002. – 97 p.
10. Ricoeur P. From text to action: essays in hermeneutics, II. – Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1991. – 346 p.
11. Schwartz J. The Paradox of Ideology // Canadian Journal of Philosophy. – 1993. – Vol. 23. – No. 4. – P. 543-574.
12. Smith D. E. Ideology, Science and Social Relations: A Reinterpretation of Marx's Epistemology // European Journal of Social Theory. – 2004. – 7. – P. 445 –462.
13. Wodak R. Aspects of critical discourse analysis // ZfAL. – 2002. –36. – P. 5–31.